

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Коробицыной Луизы Владимировны
«Британский историк А.Дж.П. Тейлор:
интеллектуальная биография»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 –
всеобщая история (новая и новейшая история)

Несмотря на то, что А.Дж.П. Тейлор являлся всемирно известным историком, с его жизнью, деятельностью и научным наследием русскоязычный мир до последнего времени был практически незнаком. Поэтому научная ценность данной диссертации не вызывает сомнения.

Если проигнорировать заявление автора, что цель его работы - «выявить механизмы обмена, распространения и влияния идей историка на профессиональное историческое сообщество» на примере одного из дискурсов (с.14), то можно сказать: Л.В. Коробицына поставила перед собою триединую цель: воссоздать основные вехи биографии Тейлора, проследить эволюцию его научных и общественно-политических взглядов и выявить влияние тейлоровского академического наследия на интерпретацию проблемы истоков Второй мировой войны. С этой задачей она в целом справилась, несмотря на то, что этому очень мешала структура диссертации.

Чтобы понять логику авторского повествования, пришлось даже составить собственное оглавление работы, ибо в 9 её разделах оказалось минимум 6 не отражённых в «Содержании» подразделов (с.38, 57, 61, 103, 126, 149). Само их выделение говорит о том, что автор просто не знал, как «склеить» имеющийся материал, и ему так и не удалось решить данной проблемы. Главу 2 завершает, например, анализ того, как в *современной британской культуре* решается проблема истоков Второй мировой войны и как уже в *XXI веке* интерпретируется британская политика умиротворения. Но следующая, 3 глава, начинается с общей характеристики послевоенной Британии и состояния её исторического сообщества во *второй половине XX века*. Т.е. телега оказалась впереди лошади.

В дополнение содержание раздела 3.1 никак не соответствует его названию: «Британия второй половины XX века: общественно-политический, культурный и историко-профессиональный *дискурс*». Автора не интересует *обсуждение* проблем британского общества; он лишь отмечает явления и тенденции развития Великобритании указанного периода: говорит о реализации в 1945-1951 гг. лейбористами их социальной программы, о формировании «нового типа экономического регулирования» (с.140) и т.п.

Не вполне понятно и деление британской истории на первую половину и вторую половину XX в. Прошедшее столетие не распадается на 2 равных исторических отрезка времени. Не случайно существуют понятия длинного XIX века, закончившегося только в 1914 г., и короткого XX в., охватывавшего время с 1914 по 1989 гг. Сам Тэйлор, наверное, не случайно именно 1914–1945 гг. выбрал в качестве хронологических рамок своей работы 1965 г. «Английская история», факты и оценки из которой, кстати, вполне можно было использовать и в разделе 1.1 данной диссертации.

Выбор 1945-го, а также и 1990 г. (года смерти А.Дж.П. Тейлора) в качестве границ между периодами рассматриваемого времени помогло бы не только ослабить остроту «кризиса структуры», но и отсечь лишнее из исторического контекста. А так предпринятая Л.В. Коробицыной попытка на 40 страницах текста охарактеризовать все тенденции социально-экономического и политического развития Великобритании на протяжении целого столетия, яркие проявления её культуры чуть ли не во всех областях - от музыки до архитектуры (да ещё с воссозданием истории профессионального исторического сообщества) привела к немалому количеству фактических ошибок. Реакция на локаут шахтеров - всеобщая стачка 1926 г. превратилась в забастовку с целью «установления гарантий ... от сокращения заработной платы и увеличения рабочего дня» (с.31), политика умиротворения сузилась до 1937-1939 гг. (с.32), период лидерства Г. Поллита в КПВ сократился на 17 лет (с.56), Тревор-Ропер оказался произведён в профессора Оксфордского университета уже в 1947 г. (с.88) и т.д. Налицо и явное упрощение действительности. Так, вслед за англоязычными авторами Л.В. Коробицыной повторяет, что в Великобритании «малочисленные приверженцы идей К. Маркса и Ф. Энгельса являлись либо фанатиками, жившими на попечении милосердных родственников и знакомых, либо романтическими натурами», а КПВ, «как марионетка, транслировала реальные желания и амбиции России» (с.55-56).

Текст диссертации выверен и производит благоприятное впечатление. Хуже обстоит дело с переводом и транскрипцией: журнал «Британская история двадцатого века» («Twentieth Century British History») превратился в журнал «Двадцатый век британской истории» (с.150), Себастьян Хаффнер - в Хафнета (с.98). Британские издания не принято именовать на немецкий манер: «Хисторикал Джурнал» (с.108), а Эдуарда Бенеша, являвшегося не только «будущим президентом Чехословакии», но уже и «прошлым» президентом, называть Эдвардом (с.65). У издательства «Мысль» нет сборника «Два взгляда», а у МИД РФ - 15-томника «Великая Победа» (с.213, с.14) и т.д.

При массе всякого рода неточностей реконструкция жизненного пути Тейлора, именуемая «центральным элементом» исследования (с.23), автору удалась.

Л.В. Коробицына выявила решающее влияние на мировоззрение будущего историка его родителей, ставших сначала «большевиками и только затем социалистами», его дяди-пацифиста, прошедшего все годы Первой мировой войны в тюремном заключении, а также друга дяди - коммуниста. Поэтому-то Тейлор занялся политической деятельностью в возрасте 16 лет, а в 1924 г., в год поступления в Оксфордский университет, стал членом компартии (с.54-57). Но вот почему Тейлор вышел из КПВ, - это осталось тайной. Ссылки на его собственное заявление, что «опыт участия во всеобщей забастовке (1926 г.) навсегда излечил меня от коммунизма» (с.31), явно недостаточно, тем более что это заявление расходится с обобщением автора: провал всеобщей забастовки породил, мол, разочарование, и Тэйлор вступил в Лейбористскую партию, оставаясь в ней до конца. При реконструкции биографии учёного, а не политика о причинах его разрыва с каким-либо политическим лагерем, казалось бы, можно и не говорить. Но существует обстоятельство, подчёркиваемое самой Л.В. Коробицыной: «Научная и общественно-политическая деятельность были двумя параллельно существовавшими и тесно связанными друг с другом ипостасями» Тейлора; «политическая идентичность... занимала особое место в сердце интеллектуала наравне с научной и общественной деятельностью», для него «социализм был своего рода альтернативой религии» (с. 160, 57).

В то же время «пространство формирования и эволюции взглядов» молодого Тейлора автором обрисовано, как и духовно-интеллектуальная обстановка, в которой работал уже зрелый историк. В соответствующих разделах диссертации (с.29-49, с.140-158) приведено столь много фактов из истории культуры Британии, что временами эти разделы напоминают словари или библиографические описания. И этим проделанная работа ценна для тех, кто будет исследовать сходные проблемы.

Но для самой Л.В. Коробицыной наибольший интерес должна была представлять не история деятельности писателей и художников пусть и знаменитой группы Блумсбери (с.32-33), не послевоенное творчество братьев Дарреллов и таких крупных «фэнтезийных» филологов как Дж. Толкин и К.Льюис (с.144-146), а мировоззрение этих людей. Не известно, был ли знаком Тэйлор с книгами перечисляемых писателей и философов, но известно, что он лично общался с рядом крупных политиков, включая лидеров Лейбористской партии 1930-х годов. «Мощное влияние», по признанию самого историка, на него оказал лейборист-фабианец Бернард Шоу. Но чем, каким образом - это, к сожалению, неизвестно. Ссылки на то, что в первой половине XX в. в театрах ставились пьесы Шоу и Тейлор был знаком с публицистикой Шоу – этого недостаточно (с.37, 53-54).

Реконструированный Л.В. Коробицыной процесс становления Тейлора как историка, начиная с его трёхлетней учебы в Оксфорде и до получения работы в Магдален-

колледже, получился гораздо убедительнее, хотя не совсем можно согласиться с повторенным несколько раз обобщением автора, что на всех работах британского ученого виден «след венской исторической школы» (с.61, 80, 93-94). Нельзя игнорировать неоднозначные оценки своего венского наставника Альфреда Пржибрама самим Тейлором, непродолжительность его научной стажировки 1928-1930 гг. в Вене, а главное – содержание тейлоровских трудов, начиная с первой работы 1934 г. Свойственное Тейлору внимание к долговременным процессам, влияющим на международные отношения, могло стать результатом воздействия на него лейбористской и марксистской «парадигм», в рамках которых в стране работали Дж. Коул, Т. Мейсон, Э. Хобсбаум.

Не столь однозначно можно трактовать и вопрос о влиянии на Тейлора его старшего коллеги по Манчестерскому университету - Льюиса Немира. Сомнительно, чтобы присутствие Немира «в ближайшем окружении молодого историка создавало интеллектуальную среду, нетипичную для значительной части британских ученых, возвращенных в рамках британской исторической науки и слабо знакомых с зарубежным опытом изучения прошлого» (с.80). Имевший еврейско-польские корни Немир получил высшее образование в Оксфорде и вряд ли мог быть носителем этого опыта. Речь нужно вести скорее о влиянии на Тейлора «манчестерской школы», сформировавшейся при участии одного из величайших британских историков первой половины XX в. – Немира.

Очень хорошо автором прослежена трансформация научных интересов Тейлора во времени – его переход от изучения европейской дипломатии XIX в. к истории немецкого народа, а затем фактическое возвращение к дипломатии и внешней политике ведущих европейских государств при рассмотрении истории и предыстории двух мировых войн.

Используя формулу: «феномен историографического маятника», Л.В. Коробицына показала направление эволюции британской историографии истоков Второй мировой войны и вклад в эту эволюцию Тейлора.

Как выявил автор, согласно восторжествовавшей в Британии не без участия Черчилля «ортодоксальной» концепции происхождения войны, ответственность за развязывание войны лежала «на плечах А. Гитлера и иных «виновников» из числа британских умиротворителей». С этим спорить невозможно, а вот что касается другого обобщения Л.В. Коробицыной, то он противоречит действительности: консенсуса «между позицией представителей академического сообщества (Великобритании) и решениями Нюрнбергского трибунала» не было; английские сторонники «концепции виновников» не могли идти вслед за решениями Нюрнбергского трибунала» (с.5), так как накануне международного суда по настоянию британской стороны всё, связанное с политикой умиротворения, как и ряд других вопросов, было сознательно исключено из рассмотрения.

Точно так же вряд ли «в конце 1950-х гг. Тейлору пришла мысль издать работу, которая наряду с прочим «поставила бы под сомнение ряд положений, принятых на Нюрнбергском процессе» (с.78). Не писал он и работу, «желая произвести фурор» (с.92). Тейлор просто пытался противопоставить донаучной, «политико-прикладной» концепции истоков Второй мировой войны научную концепцию, ибо, как пишет сама Л.В. Коробицына, миф о происхождении войны, перекладывавший ответственность на плечи Гитлера и небольшой группы политиков-умиротворителей, не устраивал его как профессионала-историка (с.118). В диссертации цитируется один из современников, констатировавший, что у профессионального исторического сообщества впервые появилось исследование, «в котором чувствовался академический подход, а не комментирование и критика событий, свидетелем которых был ученый» (с.97).

Однако анализу труда Тейлора «Происхождение Второй мировой войны» посвящено фактически всего 2-3 страницы текста – даже меньше, чем книге 1941 г. о Габсбургской монархии, которая, конечно, «занимает особое место в череде книг Тейлора» (с.72), но не столь значительное, как труд 1961 г., без которого уже трудно представить европейскую культуру. Автор сообщает лишь, что «Происхождение» представляло собой «достаточно компактную книгу, состоящую из 11 глав, двух исторических карт ... и предисловия, которое было написано Тейлором в 1963 г.» (с.91-92). Л.В. Коробицына опять не совсем точна: предисловия «Дополнительные соображения» не могло быть в первом издании 1961 г. Но, появившись позже, оно действительно явилось «ответом на острую критику со стороны коллег»; им Тейлор внёс в свою концепцию дополнения, «касавшиеся трактовки личности А. Гитлера, и более четко сформулировал выводы, к которым пришел» (с.92, 100). К сожалению, автор не посчитал необходимым проанализировать даже короткое 18-страничное предисловие, ограничившись вольным изложением «Происхождения».

Я лично могу это объяснить усталостью Л.В. Коробицыной от работы над темой, разные аспекты которой уже излагались ею в многочисленных тезисах и статьях. Но ещё большую роль, как мне показалось, сыграло авторское стремление оставаться исключительно в рамках «интеллектуальной истории», не сбиваясь на историографию. Между тем, инициированные Л.П. Репиной разговоры об «интеллектуальной истории» в немалой степени порождены элементарным стремлением приблизить структуру нашей исторической науки к западной, в которой существуют такие области, как история науки и история идей, но нет «жанра» историографии. «Интеллектуальная история» в состоянии также отвоевать для исторической науки хотя бы часть внезапно ставших

«неисторическими» областей знания – той же истории науки, а с другой стороны, вывести историков за пределы рассмотрения идей исключительно историков.

Если исследователь, работающий в русле «интеллектуальной истории», при обращении к наследию мыслителя не будет, как и историограф, цитировать его, взгляды мыслителя будут искажаться. И данная диссертация это частично демонстрирует.

Говоря о Тейлоре и фактическом его единомышленнике в вопросах происхождения войны - консерваторе-историке У.Н. Медликотте, Л.В. Коробицына пишет: «...работы обоих историков были отражением одного интеллектуального феномена, заключавшегося в стремлении британской нации... снять с политиков-умиротворителей ответственность за начало войны и найти смысл в хаотичной и бессистемной международной политике, проводимой лидерами стран в 1930-е гг.» (с.103). С первой частью этой фразы трудно согласиться: протестовавший в 1930-х годах против политики умиротворения, Тейлор – в отличие от многих будущих «ревизионистов», не занимался апологией этой политики и, если и «снял ответственность», то только «единоличную ответственность».

И в то же время совершенно права Л.В. Коробицына, написав (но почему-то только в сноске), что работа «Происхождение Второй мировой войны», «не являвшаяся в прямом смысле слова ревизионистской, способствовала началу пересмотра концепции «виновников» (с.104); «послав мощный интеллектуальный импульс, Тейлор способствовал появлению так называемого ревизионистского направления, которое на протяжении 1960 – 2000-х гг. находилось в постоянном, непреходящем противоборстве с концепцией ортодоксов, а затем и неоортодоксов» (с.5-6).

Столь обоснован и другой, двуединый вывод автора, согласно которому, Тейлор силой своего авторитета «вынудил коллег обратиться к переосмыслению международной политики конца 1930-х гг.» и что он был «по-настоящему талантливым историком, способным интуитивно, в условиях ограниченного круга источников, наметить и определить траекторию развития интеллектуальной мысли на десятилетия вперед» (с.117).

Последнюю часть вывода можно было и расшифровать, поскольку необходимым материалом Л.В. Коробицына располагает. Она пишет, что ещё в книге 1941 г. по истории Габсбургской монархии Тейлор заявил: «...гитлеровская оккупация Вены в марте 1938 г. была актом национального освобождения», объединившим «австрийцев с национальным государством». Сегодня мы вряд ли согласимся с Тейлором в том, что Гитлер «был триумфом австрийской политики и австрийской мести за поражение 1866 г.», но что аншлюс реализовал мечту населения 2-х немецких государств об объединении в рамках Великой Германии, а поэтому осуществился легко и ему трудно было противостоять - в

этом сомнения нет. Как нет сегодня сомнения и в том, что почти всё, на чем основывалась политика Гитлера, брало начало прежде всего в «немецкой Австрии» (с.72).

Ещё одним суждением или «предчувствием» Тейлора, прошедшим проверку временем, стало его мнение, выраженное и в «Происхождении», по поводу роли в разжигании войны 1939 г. довоенной Польши, которую историк отказывался считать всего лишь жертвой рейха, и эту часть тейлоровского наследия тоже можно было попытаться осветить.

Весьма оригинальна предпринятая Л.В. Коробицыной в главе 3 попытка создать портрет Тейлора - общественно-политического деятеля. Штрихами реконструируется в основном популяризаторская миссия мыслителя, которую тот осуществлял в «дотелевизионную эпоху» с помощью массовой прессы, снабжая с 1934 г. «Манчестер Гардиан» и «Обсервер» своими обзорами книг по истории, а с конца 1950-х гг. публикуя свои еженедельные политические и научно-популярные заметки в газетах и журналах типа «Гардиан» и «Нью Стейтсман». А вот о том, что с 1945 г. ученый активно сотрудничал с Би-Би-Си, об этом можно было и не писать много, ведь значительная часть предыдущей главы – 2-й - фактически освещала это сотрудничество.

Что же касается общественно-политической деятельности Тейлора, то она оказалась сужена: упомянуто фактически лишь участие историка в создании Кампании за ядерное разоружение. А ведь Тейлор ранее активно участвовал в Движении сторонников мира и даже вызвал скандал на Вроцлавском, 1948 г., Всемирном конгрессе деятелей культуры в защиту мира (из-за чего, видимо, его книги и не издавались в СССР, а не потому, что Тейлор был буржуазным историком, как пишет о том автор). В 1960-х годах Тейлор боролся за реабилитацию профессора-искусствоведа Бланта - одного из членов знаменитой «Кембриджской пятёрки», обвинявшегося в шпионаже в пользу СССР. Я бы не стала заострять на этом внимание, если бы глава 3 не носила название «Тейлор: общественный деятель и популяризатор исторической науки».

Л.В. Коробицына не просто справилась с задачей рассмотрения биографии и научного наследия Тейлора в ракурсе его влияния на интеллектуальную жизнь Британии. Она существенно обогатила наше представление о состоянии в XX в. британской исторической науки, проследив процесс становления на Британских островах истории как науки и её дальнейшую специализацию; реконструировав некоторые направления деятельности Королевского исторического общества, Исторической ассоциации, Королевского института международных отношений, Ассоциации современных историков; выявив трансформацию во времени «Бюллетеня института исторических исследований», Кембриджского исторического журнала, «Журнала современной истории»

и т.п (с.38-51, с.149-157). Она добавила немаловажные штрихи к портретам видных британских историков: Дж. Гуча, Г. Баттерфилда, Дж.Н. Кларка, У.Н. Меддикотта. Х. Тревор-Ропера, К. Роббинса, П. Кеннеди, Т. Имлея, П. Финни, у которого стажировалась сама, и др.

Цельным и информативным является раздел 2.1 диссертации о трактовке политики умиротворения британской исторической наукой 1940 – 1950-х гг. (с.81-90). Что же касается авторского анализа историографии данного вопроса, начиная с 1961 г. и чуть ли не по сей день (с.103-139), то я сознательно воздерживаюсь от анализа этого, пожалуй, самого оригинального раздела диссертации. С одной стороны, материал его уже частично выходит за рамки выбранного Л.В. Коробицыной предмета исследования и с успехом может стать фундаментом новой её работы. С другой стороны, по поводу раздела можно сказать то же самое, что и по поводу анализа работы Тейлора 1961 г. Автор в 1-2 предложениях фиксирует позицию того или иного исследователя, опуская все его аргументы, превращая текст в тезисы. Замечу лишь, что вместо выделяемых 5 этапов этой историографии (с.26, 117) можно выделить всего 3 этапа. К 3-4 тезисам можно свести, кстати, и тейлоровскую «интерпретацию международной политики предвоенных лет» (с.4-5): логически выверенных 5 тезисов найти трудно.

Исследование опирается на солидную источниковую базу. В списке указанных источников и литературы значатся только *20 монографий* самого Тэйлора, *10 сборников его эссе* и 2 неизвестно какие переведённые на русский язык работы (с.190-192). Но я не знаю, как согласовать с этим авторскую констатацию, что за более чем 50-летнюю профессиональную карьеру историк «опубликовал *семнадцать монографий, две биографии* крупных политических деятелей, (и всего) *пять сборников эссе*» (с.67).

Поскольку при работе над диссертацией автором не всегда использовались первые издания трудов Тэйлора, источниковедческому анализу, данному во введении, как и списку источников, не хватило указания на год выхода в свет той или иной работы. В ряде случаев это упущение компенсируется в главах (с.65, 67), но не всегда. По-видимому, был также смысл выстроить работы учёного в списке источников в хронологическом порядке.

С уже отмеченным стремлением автора размежеваться с историографией связана, наверное, и слабость теоретико-методологической части введения. Согласно заявке Л.В. Коробицыной, она использовала «комплекс методов новой биографической и интеллектуальной истории» (с.24), но характеристики этих методов не дала.

Однако в общем введение как необходимый самостоятельный раздел работы соответствует требованиям, предъявляемым к этой части научного исследования.

Перед нами самостоятельная работа, являющаяся не только классической биографией одного из крупнейших британских интеллектуалов, но и обогащающая научное знание о состоянии как британской исторической и гуманитарной мысли, так и историографии происхождения Второй мировой войны.

С моей точки зрения, диссертационное исследование Коробицыной Луизы Владимировны «Британский историк А.Дж.П. Тейлор: интеллектуальная биография» соответствует требованиям пункта 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а её автор заслуживает присуждения ему искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история).

Официальный оппонент
доктор исторических наук
(07.00.03 – всеобщая история)
профессор кафедры всеобщей истории
Омского государственного университета
им.Ф.М. Достоевского
12 ноября 2019 г.

профессор Фоменко
Светлана Владимировна

Сведения об организации:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
644077г. Омск, пр. Мира, 55а;
Тел.: (3812) 67 01 04;
E-mail: rector@omsu.ru; www.omsu.ru

